

Поезд уже подъезжал к станции, а я все продолжала твердить себе: «Еще не поздно. Ты еще можешь вернуться домой».

Всю дорогу (а я переправилась через Ла-Манш прошлой ночью и после этого целый день ехала в поезде) я собиралась с духом, пытаясь убедить себя в том, что я не глупая девчонка, а здраво-мыслящая женщина, которая поставила перед собой цель и твердо намерена ее достичь. Что случится со мной, когда я окажусь в замке, будет зависеть уже не от меня, а от других людей, но я пообещала себе, что буду держаться с достоинством и ничем не выдам своей тревоги. Они не должны даже заподозрить, что в случае отказа от моих услуг одна мысль о будущем повергает меня в панику. Я никому не позволю догадаться, как много для меня значит этот заказ.

И я впервые в жизни чувствовала, что моя внешность играет мне на руку. Я уже сутки провела в дороге и благодаря этому факту, а также серовато-коричневому дорожному пальто и фетровой шляпе того же цвета, преследующей сугубо прикладные, а отнюдь не декоративные цели, выглядела на каждую минуту своего возраста. Мне было двадцать восемь лет, я была не замужем и часто ловила на себе жалостливые взгляды, сопровождающиеся репликами (разумеется, шепотком и в сторону) относительно того, что я «залегалась на полке». Меня не на шутку раздражало навешенное мне клеймо «старой девы», подразумевающее, что главным назначением женщин является служение какому-нибудь мужчине. Следует отметить, что это чисто мужской предрассудок. Еще на двадцать третьем году жизни я приняла решение доказать всем окружающим, как сильно они заблуждаются на этот счет. И мне казалось, что я уже успела добиться на этом поприще кое-каких успехов. Я стремилась продемонстрировать, что в жизни женщи-

ны могут быть и другие интересы. Во всяком случае, мне удалось найти себе занятие по душе.

Поезд замедлил ход. Кроме меня на этой станции сошла крестьянка с корзиной яиц в одной руке и живой курицей в другой.

Я вынесла на платформу свои сумки. У меня их было несколько, так как в них содержались все мои пожитки: скудный гардероб и инструменты, необходимые мне для работы. Единственный носильщик стоял у ограды.

— Добрый день, мадам, — произнес он, обращаясь к крестьянке. — Если не поспешите, ребеночек родится прежде, чем вы дойдете. Я слышал, что схватки у вашей Мари начались еще три часа назад. Повитуха уже там.

— Молю Бога, чтобы на этот раз был мальчик. Все эти девочки... О чем только думает Всевышний...

Моя персона интересовала носильщика гораздо больше, чем пол еще не родившегося ребенка. Я видела, что, разговаривая с крестьянкой, он пристально наблюдает за мной.

Сумки уже стояли возле меня, и носильщик сделал шаг к поезду, намереваясь дунуть в свисток и тем самым дать сигнал к отправлению. В эту секунду на платформе появился старик. Он запыхался — было ясно, что очень спешил.

— Эй, Жозеф! — окликнул его носильщик и кивнул в мою сторону.

Жозеф посмотрел на меня и покачал головой.

— Джентльмен, — произнес он.

— Вы из шато Гайлард? — поинтересовалась я у него по-французски.

Я с детства бегло говорила на этом языке, поскольку моя мама была француженкой. Оставаясь наедине, мы тут же переходили на французский, хотя в присутствии отца всегда звучал только английский язык.

Жозеф направился ко мне, слегка выпучив глаза и приоткрыв рот от изумления.

— Да, мадемуазель, но...

— Вас прислали за мной.

— Мадемуазель, я приехал за месье Лоусоном.

Английское имя далось ему с большим трудом.

Я улыбнулась и попыталась придать манерам непринужденности, напомнив себе, что меня ждут испытания посерьезнее. Я указала на ярлыки на сумках. На них значилось: «Д. Лоусон».

Затем, подумав, что Жозеф, скорее всего, не умеет читать, я пояснила:

— Я — *мадемуазель* Лоусон.

— Из Англии? — уточнил он.

Я заверила его, что именно оттуда.

— Мне сказали, что приедет английский джентльмен.

— Произошло недоразумение. Вместо джентльмена прибыла леди.

Он почесал голову.

— Чего мы ждем? — поинтересовалась я, окинув взглядом свой багаж.

Носильщик медленно приблизился к нам, они с Жозефом нерешительно переглянулись, но я взяла инициативу в свои руки:

— Будьте добры, отнесите мои вещи в... э-э... экипаж — и в путь!

Я годами упражнялась в искусстве владения собой и на этот раз ничем не выдала одолевающих меня опасений. В чужой стране я держалась столь же уверенно, как и дома. Жозеф с носильщиком погрузили сумки в двуколку, я взобралась на сиденье, и спустя несколько минут экипаж уже катился по проселочной дороге.

— До замка далеко? — поинтересовалась я.

— Что-то около двух километров, мадемуазель. Скоро вы его увидите.

Я огляделась: вокруг были сплошь виноградники. Стоял конец октября, и урожай был давно собран. Скорее всего, уже наступило время подготовки к следующему сезону. Мы проехали городишко, в центре которого возвышалась церковь и более скромная *hôtel de ville*¹. Во все стороны от центральной площади разбегались узкие улочки. Когда городок остался позади, я впервые увидела замок.

¹ Ратуша, здание городского муниципалитета (фр.). (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

Этого момента мне не забыть никогда. Мой здравый смысл, с наличием которого я поздравляла себя весь минувший год и который компенсировал отсутствие у меня других достоинств, куда-то улетучился. Я даже позабыла о сомнительном положении, в котором оказалась по своей доброй воле, громко рассмеялась, напрочь отбросив мысли о возможном неблагоприятном для меня исходе дела, и не менее громко воскликнула:

— Будь что будет! Я рада, что приехала сюда.

К счастью, эти слова вырвались у меня по-английски, а следовательно, Жозеф ничего не понял. Я тут же поспешила добавить по-французски:

— Так, значит, это и есть шато Гайлард?

— Именно так, мадемуазель.

— Это не единственный Гайлард во Франции. Мне известен еще один подобный замок. В Нормандии, разумеется. Тот самый, в котором томился Ричард Львиное Сердце. — Жозеф что-то пробурчал, и я заспешила: — Руины — это, конечно, живописное зрелище, но древние замки, уцелевшие на протяжении нескольких столетий, намного интереснее.

— Этому замку повезло. Во время Террора¹ его едва не разрушили.

— Какое счастье, что эта участь его миновала! — воскликнула я.

В моем голосе зазвучали нотки волнения, которое я предпочла бы не обнаруживать перед своим возницей. Замок меня очаровал. Я уже мечтала жить в нем, исследовать его, познакомиться с ним как можно ближе. Я чувствовала, что мое место здесь. Если меня отошлют прочь, я не на шутку опечалюсь, и не только потому, что понятия не имею, что стану делать в Англии, если придется вернуться.

На какое-то мгновение я позволила этим тревожным мыслям оттеснить восхищение замком. Где-то на севере Англии у меня

¹ Имеется в виду «Белый Террор» 1815—1816 гг. — ряд жестокостей и насилия, совершенных роялистами под белым знаменем Бурбонов против бонапартистов. (*Примеч. ред.*)

жила дальняя родственница. Если точнее, она приходилась кухней моему отцу, и он изредка о ней вспоминал.

— Если со мной что-нибудь случится, ты сможешь поселиться у кухни Джейн. У нее, конечно, трудный характер, и она способна превратить твою жизнь в ад, но во всяком случае она от тебя не отречется.

Хорошенькая перспектива для женщины, напрочь лишенной общепринятой привлекательности, ключа к браку, и вынужденной окружить себя защитной оболочкой, состоящей в основном из гордости и чувства собственного достоинства. Кухня Джейн... Ни за что! Да лучше я стану представительницей многочисленной армии гувернанток, всецело зависящих от равнодушных к их судьбе хозяев и проказливых, а порой и дьявольски жестоких детей. Скорее я стану компаньонкой какой-нибудь капризной и сварливой старухи. И я буду глубоко несчастна вовсе не потому, что передо мной развернется темная бездна одиночества и унижений, а потому что мне будет отказано в наслаждении, которое я могла бы испытать, выполняя горячо любимую работу в таком уникальном месте, как этот замок, сам по себе способный сделать мою жизнь увлекательной и интересной.

Я его себе представляла совершенно иным. Он превзошел все мои ожидания. В жизни иногда бывает так, что реальность затмевает самые восхитительные картинки, подсовываемые нам воображением. К сожалению, такие случаи крайне редки, и поэтому ими следует дорожить.

«Пожалуй, я постараюсь воспользоваться этими чудесными мгновениями сполна, — сказала я себе. — Возможно, другого такого случая у меня просто не будет».

И я полностью отдалась созерцанию этого великолепного образца архитектуры пятнадцатого века, со всех сторон окруженного виноградниками. Мой натренированный глаз позволял определить его возраст с точностью до одного-двух десятилетий. В течение шестнадцатого и семнадцатого веков замок постоянно достраивался и расширялся, но эти дополнения не нарушили его изначальной симметрии. Скорее, они придали замку своеобразие и очарование. К главному зданию по бокам примыкали круглые